

Владимир Шапко

ПЕРЕЕЗД на ЮГ

Повесть

16+

Владимир Макарович Шапко

Переезд на юг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44907581

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга о двух друзьях-пенсионерах, на старости лет решивших круто поменять свою жизнь. Переехать в райский городок у моря. Однако судьба не каждому выдает свои пряники.

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	8
3	12
4	18
5	20
6	25
7	30
8	33
Глава вторая	39
1	39
2	44
3	53
4	59
5	64
6	69
7	75
Глава третья	79
1	79
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава первая

1

Если Табашников, оторвавшись от рукописи, смотрит в окно слева от себя, то взгляд его упирается в железный гофрированный забор. Приветом от новых соседей висит на железе вьюн с белыми цветочками. Самих стен и окон дома не видно совсем. Зато к пустому утреннему небу почти плоско уползает шифер. Вроде заскорюзлых накиданных стиральных досок. В толстой трубе из нержавейки тоже чудится что-то банно-прачечное. Что-то от советской вошебойки. Поникшие усы антенны – как усы от туго думающего хохла.

Обитателей дома, сидя на стуле, не увидишь. Нужно встать и вытянуть шею. Вроде как над забором. И тогда узришь женские передвигающиеся головы, две двери в дом, вытянутые кухонные окна и тюлевые занавески.

Пройдёт даже мордочка явного жиголо. С косицей на затылке, с усиками в ниточку. «Привет, старичелло!» В растерянности плюхнешься на стул, не понимая экрана компьютера.

Ничего не шло в голову, никакое сочинительство. Погружал экран в сон.

Выходил покопаться на огород.

Но тут как всегда начинали летать самолёты. Тяжёлые военные дуры пёрли прямо над домами окраин и дальше – над центром. Грохот утаскивали за собой зубодробительный.

Полетав неизвестно где, обратно спускались растопыренными, уставшими, вроде как замордованными. Ползали в километре по лётному полю, урчали. Будто страдали метеоризмом. Постепенно затихали.

Но это только начало. Прямо над домом и огородом Табашникова начинали шастать вертолёты всех мастей. Постоянная, любимая проложенная ими трасса.

При виде очередного хлопунца сосед, который не под носом, а на отшибе, весело кричал из своего огорода:

– Семёныч, глянь, пенсия твоя по небу летит. Месячная. Хлопает тебе в ладошки! Семёныч!

Табашников задирает голову.

А сосед всё не унимался:

– А вон уже два друга на подлёте. Уже две твои пенсии летят. Семёныч! За два месяца. Сразу! Аплодисменты тебе в небе творят. Твоим пенсиям! Семёныч! Ха-ха-ха!

Табашников хмурился, смотрел вслед улетающим вертолётам. Хотелось сказать известное. О своей и чужой армии. Но посмотрел на веселящегося голопуза и только подумал: дурак ты, Ваня.

Возле забора у Табашникова ржавый тонконогий мангал стоял. Будто сосед его подкинул. В виде троянского коня. И на земле, и в небе всё связалось в одно.

А голопуз кубанский всё смеялся. Самодовольный, самодостаточный, знающий как жить...

...На пенсию Табашников вышел недавно, год назад. До переезда в этот городок у моря. Ещё живя в Казахстане.

Проводы прошли буднично, серо. Директор института прищурился, но вспомнил. С облегчением тряхнул руку, проводил до двери. В бухгалтерии тоже не задержали: распишитесь, Евгений Семёнович, вот здесь и здесь, спасибо, полный расчёт! Кадровик, выдавая трудовую, хмурился. Ему положено.

Молчком собирал свои чертёжные причиндалы в родном Отделе. Хотел дать денег на отвальную, послать гонца – замахали руками: что ты! что ты! Быстренько скинулись, сгоняли. Потом чокались, хлопали по плечу. Коллектив небольшой – пятнадцать человек. Но все старались успеть к пенсионеру. Небольшая очередь со стаканами. Пердунки (трое) были напряжены, чувствовали себя на месте Табашникова. Суслопаров за стеклом делал вид, что ничего не видит. Ни брошенных кульманов. Ни толчею. Вокруг одного сотрудника. Бывшего теперь. Всё же вышел из-за стекла. Чокнулся. Потом даже сказал: «Ты это, Табашников, счастливо тебе».

Приняв в подарок нежданную богатую готовальню, Рая Тулегенова прослезилась. Надолго обняла. Сквозь платье чувствовал её литое, как у тюленя, тело. «Звони, Женя, дорогой, приходи, не забывай».

Вышел из НИИ «Казцветмет» на улицу. Будто и не рабо-

тал в нём 18 лет.

2

В городке тоже стоял рёв. Правда, другой. Свадебный. Субботный. Длинные машины с женихами и невестами неслись по главной улице. Неслись с понтами, сигналив на всю округу. Женихи в белых рубашках высывались из кабин чуть ли не по пояс. Уже безумные, что-то кричали. Явно прощались с миром поднебесным. Злые, брошенные внутри невесты ворочались как кошки-коты в мешках.

Пропуская на перекрёстке ревущую кавалькаду, Табашников сидел в частной мышеловке. С остальным терпеливым десятком мышей. Вас не преследовали в Казахстане? Не ущемляли в правах? Глаза дамы в Федеральной миграционной службе были требовательны, строги. Левый погон дымился в солнце. Нет, нет, что вы! Я в Казахстане жил хорошо! Пролетающий жених вдруг начал блевать, уделывать лимузин. Это плохо. Вы простой переселенец. Дама отпустила напряжение, погон загас. Вам придётся у нас много походить и поездить. Мышеловка тронулась, наконец. И сразу круто свернула к рынку.

– Какой сорт? – взял яблоко Табашников. – Как название?

Широкий кубанец будто запросто удерживал в раскинутых руках горы овощей и фруктов.

– Да кто его знает. Сладкое.

Явный перекупщик. Не садовод. С ленивым безразлич-

ным умом: та всё так сойдёт! Та всё так купят, сожрут!

– Что же ты сорт даже не удосужился узнать. Дай хоть по-пробую.

Пухлая загорелая рука срезала с яблока как с картошки. Сунула с ножом к носу. При виде чёрных грязных ногтей Табашников заколебался, но мужественно взял с ножа. Попробовал, похрустел.

– Возьму с килограмм. Только сам выберу.

Пузан кинул целлофановый мешок. И опять словно бы вознёсся. С раскинутыми руками, как целая Кубань. Вконец заевшаяся. Та пошли вы все!

Отошёл от прилавка. Опустил мешок в холщовую сумку. Нужно бы мяса ещё взять. Немного.

Долго ходил в гулком высоком зале, склонялся и словно бы внюхивался в разложенные на прилавки мясные души продавцов. Дорогие души, надо сказать. Продавцы хмурились. Как перед вьедливым Онищенко. Наконец приглядел кусок и встал за пожилыми мужем и женой. Которые уже выбрали мясо, и нужно было только расплатиться.

Женщина испуганно шарилась по сумкам и пакетам, искала кошелёк.

– Нету, Коля, – повернулась к мужу. – Дома забыла.

– Да склерозная ты моя! – сразу запел старик. – Да сколько ж можно! И чего теперь?

Табашников дёрнулся заплатить. Полез за бумажником. Но старик тут же остановил: нет, нет! Спасибо. Мы сами.

Сейчас сходим. Потом купим.

Старики уже выкладывали мясо назад. На прилавок. От стыда заспотыкались к выходу. Растопыривались, точно разом разучились ходить. Точно теряли друг друга.

– Их много тут ходят. Всё кошельки забывают, – совала мясо назад в кучу торговка.

– Куда же ты? – крикнула Табашникову. – Вернись! Скину двадцатку!

Зло хлопала ладошкой по кускам. Точно взбадривала, на-стёгивала свои ляжки. Полудурок!

Опять трясся в мышеловке. Маршрут петлял. Чуть в сторону от центра – дорога начинала бить по зубам. То чечётка от дореволюционного булыжника, то вспоротый советскими деревьями асфальт в буграх и ямах.

На остановках в высокую дверь тяжело залезали старики и старухи. (Город старых людей.) Судорожно сгибаясь, клали по пятнадцать рублей монетками за проезд. Шофёру. Как очень дорогому нищему. Небрежно тот разбрасывал медяки и белые по коробкам. И сразу врубал. Старики опрокидывались в высокие чёрные сиденья-ловушки. Табашников поскрипывал зубами.

Не выдержал:

– Ты что, мешки с картошкой везёшь? Или пожилых людей? Шумахер!.. Слышишь, что ли?

– Та ничего с них не делается! – отвечал родной брат пузана-перекупщика. С толстой спиной и в кепке. – Та долетят

как на своих крылышках!

Старики послушно колотились вставными челюстями. Хватались за высокие черные спинки. Летели «как на крылышках». У молодого пенсионера все зубы были свои. От злобы продолжали сжиматься.

В приморском городке этом Табашников оказался словно бы нежданно-негаданно для себя. Никуда не думал из Казахстана уезжать. С гражданской женой расстался давно. Та уехала в Германию с десятилетним своим сыном. Общих детей за четыре года не получилось. И только когда вышел на пенсию, перестал ходить на работу, начало сверлить: и что дальше? (Как доживать?) Бабёнку какую-нибудь привести в дом? На остаток дней? (Сколько там ещё? Пять лет? Десять?..) Нет. Только не это. Не складывалось с женщинами. Никогда не складывалось. Всегда ходил в должниках.

Встретил в центре Агеева. Геннадия. Собрата по перу, по литкружку «Полёт». Была осень. Солнце висело повялым подсолнухом. Агеев потащил в кафе.

Сидели возле загогулистого декоративного железа. (С него удобно хватать горшки с цветами и швырять в тех, кто посмотрит на тебя косо. Это когда сам закосеешь.)

Выпили. Закусили с оцинкованных лопат. Агеев втихаря покуривал. Хотя разрешали. Озирался. Заговорщик.

– ... Что тебя здесь держит, Женя? Ни жены, ни детей. Там хоть здоровью твоему будет климат. Твоим лёгким. Забыл, как загибался от плеврита? (Было дело. Загибался в больнице. Литкружковцы даже приходили скопом. Явно попроситься.) Квартира у тебя двухкомнатная, продашь, и хватит

на свой домик. Где-нибудь на окраине. Свой огород, воздух, солнце. Пенсия у тебя там будет. Глядишь, и казачку сдобную найдёшь. Для работы, так сказать. На огороде.

Табашников заслушался. Как баба подпёрся ладошками.

Агеев смотрел на большое блаженное лицо с курносым носом.

– Ну, так как, Женя? Я же вот еду. Не боюсь.

Табашников утёр слюну. Сказал:

– У тебя там дети, Гена. Сын и дочь. Внуки. Жена уже там. Дождается тебя. А у меня – никого. Только к тебе ходить. Надоедать.

– Дурак ты, Женя. Честное слово!

Агеев ввернул окурок в пепельницу.

Словом, закончилось ничем. Разошлись, недовольные друг другом. Но слова Геннадия запомнились, запали. Всё чаще и чаще стал думать о городке этом. На берегу Азовского моря. Вечерами, когда лежал на диване, представлял его, видел на потолке. Чувствовал, что нужно сменить надоевшее насиженное место, где ничего уже не будет. Что переезд в этот далёкий незнакомый город даст ещё один клочок жизни. Последний, но даст.

Сходил в лито, где не был месяца два. Уехал, дружно доложили поэтессы и прозаики. Чаепитие было. Прощальное. Хорошее вино Гена принёс. Две бутылки. Всех обзвонил. Все пришли. Альбина Жулина и Чуваткин были даже в аэропорту. Провожали. Обнялись в буфете на втором

этаже, всплакнули. И Гена улетел. Он же вам должен был позвонить, Евгений Семёнович? Глаза у поэтессы Жулиной не смотрели на человека. Были замкнуты. С проблесками (вспышками) фанатизма. А? Вы же друзья? Табашников успокаивающе тронул острое плечо Альбины Ивановны.

Дома набрал на мобильнике номер Агеева. «Абонент недоступен». И обиделся наверняка, и симку в России, наверное, сменил. Был e-мэйл Геннадия. Но писать пока не стал. Решил сначала всё сам изучить. Досконально.

В интернете на снимках городок выглядел очень даже ничего. Улицы в зелени, тенистые парки. Дворец культуры из стекла, где, как сказал Геннадий, тоже есть кружок литераторов. И приземистые, старинной красивой кладки дома, и дома теперешние, в пять и девять этажей. Современные супермаркеты. Похожие на высоченные солнечные батареи. Море с пляжами и лежбищами людей. Скутеры, гоняющие как попало. На волнах толстые матрёшки в панамках. Бюст знаменитого циркового борца с головой, вросшей в дубовую шею. Парк его имени. Один снимок почему-то печальный. Вечерняя набережная почти без людей. Далёкий жёлтый закат. Два старых сутулых фонаря покорно склонились к нему... И снова светлые улицы и бульвары. Снова везде весёлые беззаботные курортные люди.

Посмотрел в Википедии. Население около 80-и тысяч. В основном русские. Есть украинцы. Армяне. Другие национальности. Промышленности никакой – умерла в 90-е.

Остался работать морской порт. Есть предприятия пищевой. Тому, что аэродром прямо у городка (говорил Геннадий), значение не придал. Подумаешь, летают. Но не до такой же степени!..

Наколотил письмо Агееву. Тот тут же ответил. Вернее, позвонил:

– Ну вот и молодец, Женя. Теперь действуй. Квартиру на продажу. И сразу начинай с документами на отъезд. Я всё тебе буду рассказывать. Что, куда и как. Ну, пока. Дорого по телефону. Жди письма.

И началась круговерть. Агеев на дню по несколько раз коротко звонил и длинно подробно писал. Направлял, понукал, подстёгивал. Табашников метался по присутственным местам. Везде гоняли по кругу. Были и тесные кабинеты, заваленные папками с бумагами до потолка, где сидели матёрые канцелярские мыши женского пола. И помещения размером с полигоны, с десятками столов. За которыми сидели совсем молоденькие мышки и мышата. Ученики, последователи своих толстых мам. Очень усердные. Или в белых кофточках (девушки), или в чёрных жилетках (пареньки). Которые всегда потирали лапки, прежде чем внюхаться в твою бумагу. А потом начать быстро-быстро грызть её. Съесть. Прямо у тебя на глазах!

Набегался.

Покупательница квартиры с растрёпанными кудельками всё время хихикала. Казалась не совсем вменяемой. Из гос-

банка деньги к ждущим нотариусу и Табашникову носила частями. Больше часа. В хозяйственном пакете. С торчащими наружу вантузом и скалкой. Для маскировки. Дескать, из хозяйственного я бегу. Петляла по проулкам. Заметала следы. Хотя банк был в квартале от конторы. Нотариус философически кривила губы. Она и не такое видела. Табашников сердился: «Давайте я схожу с вами. В конце концов!» – «Нет! Не надо! – выкрикивала покупательница, успев хихикнуть. – Я сама!» И исчезала в очередную ходку.

В последний раз прибежала только скалка в пакете. Вантуз где-то в банке потерялся. «Ну вот и всё! – хихикала покупательница, выкладывая деньги. Наполовину казашка, наполовину русская. Лет сорока. Светлана Ахметовна. По фамилии Калантарова. – Вся сумма!»

Сели, наконец, к т-образному столу, чтобы оформить документы. Табашников думал, что, став хозяйкой, эта Светлана не разрешит ему дожить две недели до отъезда. До самолёта. Просто изведётся за это время. (Он ждал из Семипалатинска дубликат свидетельства о рождении. Подлинник давно затерялся.)

На удивление, смурнычка сразу согласилась. Захихикала: – Я вас знаю, Евгений Семёнович. (Табашников вскинул брови.) Я живу с вами в одном дворе. С мамой. В доме напротив. Я за вами наблюдаю.

– Это ещё зачем?

– Вы хороший человек!

Нотариус и Табашников переглянулись. А смурная уже смеялась. По-своему. Часто-часто моргала ресничками. Как будто она – электросварщик.

Женщина и мужчина в растерянности наблюдали.

Агеев уже ходил по двору. Строго оглядывал хозяйство Табашникова. Покосившийся сарай со скворечней на кривой палке. Деревянную баньку, как игрушку, срубленную когда-то хорошим умельцем. Поливные шланги, развешенные на невысоком заборе. Лицо и лысина в белом венце волос были у исследователя стойкого коричневого цвета. Никаких шляп за всё лето, никаких панамок.

Заглянул в сердечко летней уборной: не там ли Табашников засел?

– Что же ты в дом не прошёл? – Хозяин на крыльце вытирал ноги, доставал ключи. – Или опять ключи мои посеял?

– Нет, вот они. Только как мимо такой красоты пройти! Жень!

Агеев театрально раскинул руки и потянул в себя воздух. Весь простор над усадьбой Табашникова. Явно кося от этого. Как рекламный аллергик, выведенный за руки на природу. После того, как принял-таки рекламируемую таблетку:

– Простор, воздух, солнце!

– Да ладно тебе. Иди лучше в дом.

– Приземлённый ты человек, Табашников, – подходя, говорил Агеев. – А ещё что-то пишешь там. Дай я пожму твою честную трудовую руку огородного труженика!

Графомания, морщился Табашников. Словесная. Легонь-

ко втолкнул длинного романтика семидесяти лет в дом. Который чуть не зацепил лысиной притолоку двери. Коричневой свое лысиной в белейшем окладе.

Обедали. Приземлённый Табашников подливал романтику борща. Тот нахваливал: «М-м-м, Женя! Готовишь ты лучше любой бабы! Это я тебе прямо скажу!».

С большим оптимизмом говорил о безнадежном:

– К примеру, ты написал большую вещь, Женя. Роман. Ты сразу посылаешь рукопись, куда только можно. И в журналы, и в издательства. Возможно, у тебя даже есть знакомый редактор. Который прислал тебе однажды одобряющее, даже восторженное отказное письмо. И что? Результат у тебя будет ноль. Поэтому тебе (нам) нужен литературный агент. Только агент. Как на Западе. А агентов-то в России, как оказалось, почти и нету. Жок, как говорят казахи.

После обеда сидели на лавочке возле крыльца, курили. Агеев искал, чем бы ещё повосторгаться.

Вскочил и раскинул руки перед высоким деревом, усыпанным грецкими орехами. Хотел прокричать ему гимн. Но закашлялся. Пришлось похлопать по горбу. Довольно сильно.

В доме сели за чистый стол. К трем папкам Табашникова. К документам для ФМС. Для Федеральной миграционной службы. Разбирал бумаги, конечно, Агеев. Он был уже большим докой в этом деле. Табашников заглядывал, учился.

Порядки в российской миграционной службе Табашникова поразили. В первый раз он пришёл на Свободную №1 ещё в феврале, в начале, сразу после приезда. Если в Казахстане переселенца гоняли по кругу, но что-то делали ему, здесь царил полный застой. Узкий, плохо освещённый коридор был почти пуст. Два-три понурых человека на диванчиках возле закрытых дверей. На вопрос отвечали что-то невнятное. Кто с опущенной головой – пребывал в коме.

В вестибюле образцы бланков почти под потолком. (Специально?) Прочитать и понять что-нибудь в них невозможно. Только если подтащить и залезть на стол. Зато на другой стене, прямо перед тобой – Доска почёта. Как в старые добрые времена. Передовики полицейских дел. Строгие мужчины и женщины в кителях и погонах. Туалеты (два), конечно, только для них. Закрыты на ключ – недержащую старуху родственники быстро повели на улицу. В реденькие кусточки. И вообще, чтобы сидела дома! Или приходила с забитым памперсом.

И ни одного консультанта. Ни в самом вестибюле, ни в коридорах – нигде.

Подпершись кулаками, сидела в солнце из железных прутьев кассирша. Сказала:

– Приходите во вторник или в пятницу. К семи, к пол-

восьмого утра. Будут записывать на талоны. А потом в два часа выдавать. Там всё скажут.

Табашников кипел, уходя из здания на Свободной.

Ехал в тесном автобусе, удерживаясь за железную трубку спинки впереди. Перед носом подпрыгивал толстый круглый затылок с ушками и без шапки. Похожий на шмат сала, обработанный паяльной лампой. На сильном ухабе Табашников ткнул сало лбом, едва успев подхватить свою шапку.

– Шо такое! – скосилась голова. Застряв в толстой шее.

– Извините. Ухаб...

– Зачем ты пошёл туда один? – ругал Агеев. – Не мог меня дождаться? Зачем? На тебе лица нет.

Домашние его за столом (сын и сноха) смотрели на Табашникова с жалостью: ещё один приехал из Казахстана. Энтузиаст.

Ребенок, сидящий на коленях матери, дёрнулся ручками к Табашникову. И вдруг внятно сказал: па-па.

Все рассмеялись. А умилённый Табашников взял Юлечку на руки и стал смотреть с ней в телевизоре старую-престарую сказку на новый лад. Рекламную мультипликацию. Маша и Медведь. Где большущий Медведь, похожий на беременного водолаза, запросто шарил на компьютерной клавиатуре рядом с крохотной смеющейся Машей. Прижимая клавиатуру к себе, как на бандуре лапой играл. Юлечка внимательно смотрела. Чёрные глазки её были размером с черешни.

Пужинав со всеми, Табашников и Агеев ушли в одну из

спален большой квартиры Агеева-младшего, куда Евгения Семёновича сразу по прилёте заселили. Там спокойно стали обсуждать, как действовать завтра на Свободной, 1.

Утром следующего дня возле трёхэтажного здания ФМС, возле его синих сосен, Табашников толкался, лез к длинному парню с тетрадкой и ручкой, который выкрикивал «кому в 9-й», а Агеев, как гончак, напрягался у закрытой двери. Чтобы ворваться в ФМС первым, рвануть по коридору и встать у девятой двери. Где прибежавший с длинным парнем список должна утвердить какая-то секретарь. И есть шанс, что Табашников не вылетит из списка и получит-таки в два часа вожделенный талон.

Поболтавшись полдня по городу, заходя куда попало и даже пообедав, в два часа талон получили. А на другой день, уже в четыре часа дня, Табашников зашёл наконец в дверь 9-го кабинета.

Он глубоко заблуждался, посчитав российскую ФМС неповоротливой, застойной: два раза в неделю страсти здесь кипели нешуточные. Это был стиль работы такой – допускать ураган, бурю, натиск людей только во вторник и пятницу. Чтобы в остальные дни была полная тишина и покой. Чтобы только иногда остаточные слабенькие волны поколыхивались в коридоре. Осторожно лизали бы мощные двери начальников.

За столом сидела еврейка в очках. Но необычная: с чёрным табуном перманента и в форменной полицейской курт-

ке с погонями. К тому же косящая под казачку. И небезуспешно: слова с нагайками скакали галопом.

Табашников сидел, недоумённо вслушивался, спрятанный за экран компьютера на столе начальницы. Выглядывал оттуда. Еврейка-капитанша перебирала его бумаги и свободно поливала в пространство перед собой. О муже, о низком своём давлении, о капельницах из-за этого, о своей отставке, её просят на коленях, не уходи! как можешь ты бросить всё! на кого! кому работать после тебя! сижу, болею, но сижу, и благодарные мои подопечные тоже просят, которые ходят ко мне месяц там, два или полгода, не уходите, Ангелина Марковна, мы без вас пропадём, наши-то молодые совершенно не умеют работать, нацепили погоны, а все ко мне: помогите Ангелина Марковна, посоветуйте, что делать, подскажите, по всякому пустяковому вопросу! телефон разрывается. Подскажите, Ангелина Марковна, посоветуйте!..

– Где вы родились? Тут не совсем понятно... Где вы там?

– Я здесь, – выглянул Табашников. – Я родился в Семипалатинске.

– Хорошо. Вот вам две анкеты. Всё заполните подробно. Родители, дети, жёны. Где сейчас живут. Образование ваше, судимости и так далее. По возможности заполнять все графы. На сегодня всё. Возьмёте талон ко мне на следующей неделе. Сами видите – завалена работой. Все ко мне, все ко мне. Идут и идут. Помогите, посоветуйте, Ангелина Марковна.

Табашников поднялся. Чего-то ждал. Женщина перебирала на столе другие бумаги. Чёрный табун вокруг лица был спокоен. Обуздан.

– Идите. Всего хорошего.

Табашников вышел. В коридоре перед 9-м было по-прежнему пусто. Точно так же – когда и пришёл на приём.

– Вымогает взятку, – смялся дома Агеев. – Неужели не понял? Я специально после обеда тебя одного к ней послал. Для закалки. Но мы тоже не дураки – тоже потянем волну. Нам с тобой торопиться некуда. И походим к ней, и поедем в Краснодар, куда она тебя не раз будет отправлять. Мы с Машей три месяца ходили к ней – и выморщили-таки РВП. Никуда не делась. А ты хочешь платить? Богач?

Юлечка на коленях у Табашникова трогала его застывшее большое лицо: па-па, па-па.

Агеев хохотал. Схватил смеющуюся девчончишку и начал подкидывать.

Жильё Табашникову выбирали тщательно, не торопились. С неделю ходили и ездили по адресам, взятым из интернета. Квартир и домов продавалось немало. Но всё с какими-то подвохами, с изъянами. И большими, и малыми. То дом старый, со старыми трубами. То квартира хорошая, но в цокольном этаже, как в подземелье, и видишь только женские ноги. То центральной канализации нет, а выгребная яма.

Агеев, как бывший строитель (проработал прорабом двадцать лет) разоблачал всё быстро, едва попав в квартиру или частный дом. Лез во все углы, во все дыры. Среди испуганных домочадцев напоминал мента, выискивающего улики.

Были и хорошие квартиры и дома. Отделанные, некоторые с евроремонтом. Но, понятно, кусались ценой.

Наконец, поехали на окраину. На какую-то улицу Широкую. Смотреть чуть ли не последний дом из длинного списка.

Дом Табашникову понравился сразу. Небольшой, красивой старинной кладки, но с современными стеклопакетами на улицу, с жёлтой тучей неопавшего дерева над крышей. Внутри две комнаты, большая и поменьше. Нормальная кухня.

Агеев принялся лазить везде. Хозяйка ходила за ним, поламывала ручки. Будто её грабили. Строитель нашёл, конечно, и старые, замазанные хомуты на трубах, и ламинат под

ногами скрипел (неверно выбрана подложка), и ещё огрехи шабашников, сделавших год назад ремонт. Но в целом всё было – вполне. Хозяйка почему-то твердила, что новую душевую кабину поставила совсем недавно. Неделю назад. Теперь всё по-современному, стоя можно мыться. Это была женщина под шестьдесят. Бывшая бухгалтерша. (Внимание! Опасность!) Уезжающая к дочери в Томск.

Табашников, узнав, что – бухгалтерша, сразу надулся. Сказал, что душ неудобный. Борт кабины высокий. Нужно высоко задирать ноги. Сперва одну, потом другую. А схватиться не за что – вся конструкция хлипкая, из пластика. Можно вырвать всё сооружение. «Да ерунда! – успокоил хозяйку Агеев. – Женя у нас ещё молодой, будет запрыгивать в кабинку козликом. Верно, Женя? Козликом? Хе-хе!»

Вернулись в большую комнату, сели к столу. Табашников чувствовал себя оплётанным. Хозяйка стала показывать все документы на дом. Потом счета, платёжки с начислениями, квитанции. Двое мужчин следили за проворными руками в веснушках. По-шулерски быстро перекидывающие бумажки. Внезапный гром самолёта над домом прослушали тупо. Оставили за кадром.

Перед огородом, перед оградкой его, постояли. Хозяйка зажимала на груди душегрейку, извинялась за огород. По-зимнему безобразный. Сырой, в лужах, во льду. Со старой яблоней как с искривлённой старухой. С пустым полёгшим бурьяном смородины вдоль забора к соседу. Сотки три бу-

дет, прикинул Табашников и выдернул Агеева из-за оградки, который залез-таки в грязь.

Уходили улицей Широкой. Она и впрямь была широкой, распахнутой. С низкими домами на обочинах и пустыми деревьями.

– Дом нужно брать, – внушал Агеев. – Немедленно. Место замечательное. Воздух, простор! (Хотел раскинуть руки к дому. Не получилось – на ходу.) Сам посуди: всё оставляет, всю кухню, холодильник. Приборы, посуду. Всю обстановку. Заходи с одним чемоданом и живи. А кабину выкину к чёртовой бабушке. Поставим обычную ванну. И цена, цена подходящая, Женя! – Агеев остановился, повернулся и раскинул-таки руки: – Орех до неба, воздух, простор! Женя!

Но Табашников был осторожен. К нотариусу таскал бывшую бухгалтершу целую неделю. И деньги отдал только тогда, когда нотариус окончательно проверил всё. Когда Табашников сам убедился в документах, что не явится к нему с правами небритый уголовник сразу после отсидки. Или того хуже – честный полярник в большой шапке. Который плавал на полярной льдине два года и не ведал даже, что дом, где он законно прописан, продали.

Ангелина Марковна Кугель начала было привычно заговаривать зубы, но Табашников положил документы на купленный дом. Как козырные карты раскрыл.

Нахмурилась, полистала бумаги.

– Я имею теперь право зарегистрироваться в нём? – уже

наседали Табашников.

– Можете только на 90 дней. Если за это время не получите РВП, регистрацию временного проживания – полетите назад в Казахстан, чтобы пересечь границу и снова вернуться. Если захотите, конечно.

Женщина с табуном на голове смотрела в окно. Как втолковать этому болвану, что дело не в девяноста днях. Сидит. Как тупомордый речной толкач без баржи. Вдобавок потерявший из ноздри цепь и якорь.

– И что будет потом?

– Тогда вам будет продлена регистрация ещё на 90 дней.

– И сколько раз я буду так летать? Через границу и обратно?

Женщина пожала плечами.

– Но как же так! Я же не бомж какой, не гастарбайтер. У меня теперь есть жильё, у вас, в России!

– Ну и что? У меня тоже есть жильё. Но я гражданка России. А вы даже не отказались от гражданства Казахстана. – Ангелина Марковна смотрела в никуда. Была обижена за Россию. Похлопала папки: – Закон, уважаемый, закон!

Когда шли к остановке, Агеев сказал, что дело серьёзное. Похоже, теперь будет тормозить с РВП. Притом – всячески.

– Так может дать всё же ей. А, Гена? У меня пока есть.

– Ни в коем случае! Если дашь – это жаба с тебя не слезет. Ты купил здесь дом – значит ты богатый. Тебя можно стричь. А впереди у тебя ещё вид на жительство. Подумай! Лучше

уж раза два слетать, пересечь границу и вернуться назад, чем эту жабу кормить.

Табашников недоумевал: почему у него всё так? Почему у Агеева с его женой Машей проходит всё более или менее. Никуда их не гонят, не грозят выслать. Со скрипом, но РВП получили. И всё у той же жабы.

В автобусе, придвинувшись к другу, Агеев тихо говорил: – Пойми, Женя, у нас с Машей воссоединение семьи. С сыном и дочерью. Это гораздо проще. И то она нас с РВП тормозила. И то мы побегали и поездили. А ты один. Тебя здесь никто не ждал. (Кроме меня, Женя, кроме меня.) Тебя она наверняка засунет теперь на квоту. Чтобы решалось всё в Краснодаре. Комиссией. А это – на воде вилами. Как там в Краснодаре решат – неизвестно. Ты не молодой нужный специалист, не великий музыкант или писатель. Ты простой пенсионер. Тебя даже улицы мести здесь не возьмут. Слишком много жаждущих молодых. С той же Средней Азии, с Кавказа.

Табашников молчал. Смотрел в окно. Приморское зимнее застойное небо походило на дырявый сарай. С высвеченными внизу тюками сизого хлопка.

Агеев бодрился, но чувствовал себя виноватым. А тут ещё Маша заседала:

– Зачем сдёрнул Женю? Зачем? На что он будет здесь жить? Когда деньги проест и пролетает.

Мария Никитична Агеева зло счищала тёркой накипь и жир с кастрюльки.

– У нас дети. А он как? Что ему теперь этот свой дом! Когда он его просто бросит. И улетит назад. На последние деньги. Там-то хоть пенсию сразу будет получать. А сколько ты ему внушал: «откажись от гражданства, откажись от гражданства». – Ехидство Марии было запредельным.

– Не сгущай, – уводил глаза Агеев. Цеплялся за соломинку: – Если бы он отказался там от гражданства – здесь бы оказался по политическим мотивам. А это совсем другой статус.

– Э, «по политическим мотивам, совсем другой статус», – смотрела Мария на мужа, наверняка думая: дурак дураком! – Подмой лучше ребёнка. Не видишь – с полным подгузником.

С облегчением Агеев подхватывал на левую руку смеющуюся девочку. Тащил к ванной сразу замолчавшего серьёзного пудовичка:

– Ах ты безобразница! Когда будешь говорить – а-а?

На обед приходил Агеев Андрей Геннадьевич. Агеев-младший.

Мария Никитична начинала суетиться в большой кухне, таскать на стол. Агеев сидел и с гордостью смотрел на сорокалетнего сына с мощной лысиной и горбатым носом. Как и у него, отца. Всего добился парень сам. Диспетчер в морском порту. Большая квартира в центре. Недавно сменил старую «Ладу-Весту» на почти новый «Мерседес-Бенц». Но самое дорогое у него – семья. Молодая жена Надя, сынишка Ваня, школьник, и вот этот пудовичок, эта девочка-чудо. Вот она! Сидит на высоком детском стульчике, перемазанная кашей, хлопает ручками по столику и принимает ложку за ложкой от него, счастливого деда. Сериал, картина маслом, рай!

Мария Никитична робко подседа к столу. Пряменькая, как приживалка. Вытерла руки о фартук. Стала рассказывать последнее о Табашникове, просить. (Накосячивший Агеев – будто не слышал. Знать ничего не знал – сверлил разных коз и кикимор смеющейся девочке: ах ты, такая-сякая!)

Выслушав, Агеев-младший посмотрел на отца. Сказал:

– Никаких денег не собирайте и не давайте никому. Вы этого не умеете. Я поговорю с Зиновьевым, попрошу. Может, он нажмёт куда надо. Но Евгению Семёновичу не говорите пока ничего. Не обнадёживайте раньше времени. Особенно ты, папа.

Андрей вернулся к еде. А Агеев начал ходить у него за спиной и втыкать ногами какой-то дикий беззвучный танец

– Зиновьев был Генеральным морского порта.

Табашникову позвонили в среду:

– Это Ангелина Марковна.

– Кто-кто?

– Ангелина Марковна Кугель из ФМС.

– А-а. Здравствуйте, здравствуйте, Ангелина Марковна!

Внимательно слушаю вас.

Оказывается, вызывает в ФМС. Сама. Сегодня же. Быть через час.

С бурей в голове быстро переодевался.

Возле 9-го стояли молодой кавказец и пожилая русская. Они будто что-то спрятали за спиной. Или проглотили. Из шпионских гундящих слов, вырывающихся наружу, Табашников понял, что пожилая прописывает кавказца у себя. Временно. За деньги. Бизнес пенсионерки.

Откуда-то к своему кабинету пришла Кугель с двумя папками. Открывая замок, скосила лицо. Сказала Табашникову:

– Зайдите.

Табашников скрылся за дверью. Кавказец и тётка распластались на стене. Замкнув рты намертво.

Кугель быстро перекладывала, перекидывала какие-то бумаги в папке. Табашников спрятался за компьютером. Стояла мертвая, как писали раньше, тишина.

– Подойдите сюда... Где вы там?

Табашников вскочил, подошёл.

Кугель выглядела хмурой и даже обиженной. Не косила больше под казачку-кубанку с нагайкой. Говорила чётко, официально:

– Вот в этой папке все ваши документы, привезённые из Казахстана. Я разложила их по порядку. На той неделе курьер отвезёт папку в Краснодар. На рассмотрение комиссии на ваше временное проживание в России. На РВП.

– И как долго будет рассматриваться всё? – успел вклиниться Табашников. Он по-прежнему стоял перед начальницей. Классический проситель с сомкнутыми пожимающими ручками в присутственном месте. Вре́мён Гоголя, Салтыкова-Щедрина.

– От трёх месяцев до полугода. Всё по процедуре. Могут возникнуть вопросы по вашим бумагам. Будут посылаться запросы в Казахстан. На это нужно время. Ещё раз повторяю, всё по процедуре, по закону. Тут ничто и никто вам не поможет. Распишитесь вот здесь, что получили от меня расписку. Вот эта расписка, что документы приняты. Для рассмотрения. С распиской пойдёте на той неделе в 11-ый кабинет. Там вам продлят пребывание в России ещё на 90 дней. Если за это время не решится ваш вопрос с РВП, пересечёте границу с Казахстаном, получите штамп в паспорте на таможне и вернётесь. Если захотите. Тогда ещё получите 90 дней...

Кугель уводила глаза. Не могла смотреть на этого мужчину с большой головой. Чувствовала, что с тремя «девяноста

днями» у неё перебор, явный перебор, но не смогла не пугнуть ими этого тупого барана с курносим носом.

– И вообще, узнавайте всё сами. Записывайтесь на талоны. Через два месяца пройдёте дактилоскопию. И ещё будете ходить и ездить. Всё по процедуре, по закону. До свидания.

Табашников сказал спасибо, вышел. Не знал, радоваться ему или плакать. Посмотрел на часы. На всё про всё с его документами у начальницы ушло десять минут!

Ехал в мышеловке, ничего не мог понять. Почему вдруг такие бонусы ему, такие скидки в ФМС сегодня? Сама начальница вдруг звонит. Сидит за столом тучей, но делает всё быстро. Больше времени ушло на монолог. На злой монолог. Что же произошло? Внезапная проверка из Краснодара? Надрали холку за волокиту? За то, что постоянно мурыжит людей?

Опять шёл по Широкой к дому. Так почему? Что, зачем? Горлицы занудно ныли в деревьях. Лезли в душу. Скрытные, безнаказанные. Не замечал, вваливался в мартовские лужи, подёрнутые льдом. Вылезал из них и снова шёл. Под нескончаемое нытьё в деревьях.

На крыльце валялась литая калоша Агеева. Табашников стал искать за крыльцом вторую. Агеев лягался на крыльце, и калоши слетали. Табашников тихо ругался. Нашёл. Хотел поставить рядом с первой. Но бесполезно же приучать! Просто бросил на крыльцо.

Агеев ходил в большой комнате, потирал руки. Было вид-

но, что высокий горбыль сейчас лопнет от тайны. Как мальчишка. Тайна лезла ему на лицо, выплясывала в смеющихся глазах.

– Куда ходил?

Спросил как можно безразличней.

Табашников переодевался. Рассказал, что было с ним в ФМС.

– А-а! – торжествовал Агеев. – Никуда не делась, жаба!

До Евгения Семёновича дошло. Андрей! Андрей Агеев всё сделал. Наверняка через своё начальство. Точно, подтвердил за сына отец. Зиновьев помог. Генеральный. Надавил, где надо. И никуда не делась стерва.

Обедали в комнате. Табашников рассказывал подробности. Как прятался за компьютером начальницы. При мёртвой тишине. Как получил расписку, что документы приняты. К дальнейшему рассмотрению. («И всего-то через три месяца, а может, и через полгода будет это рассмотрение. Совсем ерунда, Гена».) Что прослушал на прощание злое разъяснение, как нужно пересекать границу и тут же рвать назад. Чтобы успеть получить ещё 90 дней отсрочки. От высылки. Всё туда же. В ту же сторону. В Казахстан.

Но Агеев ликовал:

– А-а! Знает кошка, чьё сало съела! Теперь не будешь прятаться за компьютерами. Теперь будешь сидеть-пыжиться, надуваться. Пусть думает, что у тебя есть лапа. Постоянная серьёзная лапа. Что не выморщишь у тебя теперь ничего, не

сожрёшь.

Кроме горечи Табашников ничего не испытывал. Вяло что-то ел, был безразличен. Однако Агеев всё придвигался, всё разжёвывал ему давно понятное:

– Пойми, Женя: ты сорвался с её крючка, выскользнул. Ты снова в вольной воде. Теперь ты пойдёшь по переселению, а не по квоте, куда она тебя хотела затолкать. Она теперь тебя не достанет. Она даже не выкинула из папки твои документы на дом. Не посмела. А могла бы. Понимаешь? Это победа. Полная победа.

Агеев раскинул руки, чтобы прокричать «По-бе-да!», но зацепил ими абажур прежней хозяйки. Подвешенный низко. Под старину. Который пыльно заболтался.

– Тише ты! Лампочку стряхнёшь!..

Табашников получил РВП в июле. До обещанного полугода Кугель не дотянула месяц. Три раза отправляла Табашникова в Краснодар. По процедуре. Агеев не мог бросить друга, все три раза ездил с ним. Тряслись в микроавтобусе как в катафалке. 300 километров туда, 300 обратно. За время поездок хорошо изучили подпрыгивающую в окне флору и фауну Кубани. Подъезжая на закатах обратно к городку, пытались найти в спящих всполохах надпись – ***Вид на жительство***. Поймать глазом. Успеть прочитать. В темноте городка, как в яме, спорили. Один уверял, что надпись появится уже через полгода. Другой говорил, что только через три. Понятно, года. О пенсиях, чтобы прожить всё это время, раз-

говоров не вели. Оставляли на потом. Для будущих надписей на всполохах.

Глава вторая

1

На зависть дворовым мальчишкам Жека Табак однажды поехал на Дальний Восток. С матерью и отцом. Мало того, что Жека проехал почти всю Транссибирскую – он увидел океан.

На берегу бухты Золотой рог мальчишка опупел – перед ним раскинулась необъятная даль, где были только вода и небо. Дядя Миша, брат мамы, приобняв, смеялся, похлопывал племянника. Даже солнце казалось над этим простором игрушкой. Никчемной жёлтой игрушкой! Дядя Миша!

Однако когда Евгений Семёнович в свои шестьдесят увидел в первый раз Азовское море, не поверил, что это море – дымящаяся вода, казалось, заканчивалась всего в километре. Будто сваливалась там неизвестно куда. В недоумении повернулся к Агееву: и это море, Гена? Сейчас зима, зяб, оправдывал море Агеев. Летом, наверное, по-другому всё здесь будет.

Но и летом, когда в маске с трубкой Табашников лез в волны, чтобы показать семейству Агеевых классический баттерфляй, красивого ихтиандра... ему казалось, что на край моря на бугре можно положить руку. Край влезал прямо в

небо. Без зазора.

Побарахтавшись как попало (ихтиандр в волнах не получался), Табашников вылезал на берег и по довольно острым камням пробирался к Агеевым. Осторожно обходил лежаки с вялеными телами. И женскими, и мужскими. Сам тоже уже хорошо подвяленный.

Вытирался полотенцем. Был с пузцом, но на вид ещё крепкий. Как никто другой сошёл бы за кубанского беззастенчивого голопуза у ворот. Живот лежащего навзничь Андрея Агеева от дыхания поколыхивался шершавой опарой. Тощий Агеев-старший сидел на гальке нагорбившись, видимо, решив дождаться дыма на лысине. Его невестка Надежда, в шляпе и смелом купальнике, приняла для загара позу статуи. Выгнулась красиво. И только Мария Агеева, измученная хозяйством, банально спала в халатике, свернувшись на лежаке.

Внуки (двое) продолжали мучить её. Ваня тряс плечо, ныл «ну бабушка, просни-ись». Голенькая Юлечка хлопала по бабкиной голове в платке ладошками. Бабушка вытирала слюну: «сейчас, сейчас» и снова губу распускала.

Табашников завернул девочку в простынку, взял на руки и пошёл с ней и Ваней к размалёванной фанере, стоящей в ряд. К аттракциону – «Достань!» «Достань игрушку».

Ваня как заправский ядерщик начинал двигать длинной механической рукой, пытаясь ухватить ею бесплатную машинку за стеклом. А потом и куклу для сестрёнки. А Юлеч-

ка не могла забыть хобот от маски на лбу Табашникова. Дёр-гала, дёргала его.

В раскалённую машину Андрея влезли как в душегубку. С трудом разместились все. Поехали. Малышка в ползунках и панамке сидела на колене у Табашникова, хлопала ручками переднее сидение. Как мотоциклист – газовала. Вскоре Табашников почувствовал горячее тепло, а потом и недвусмысленный запах. Мотоциклистку вытащили из машины, в кустиках стали мыть. (Управлялись мать и бабушка. Мать поливала из бутылки, бабушка без церемоний орудовала.) Снова подали Табашникову. «Па-пе». Сами влезли. Поехали. Ваня с превосходством смотрел на сестру. Он уже вышел из такого возраста. Давно. «На! – сунул дармовую куклу. – Но только попробуй ещё!» Юлечка начала взмахивать тряпичной куклой. Стукать впереди лысину Агеева.

Весело доехали.

Табашникова не отпустили, пока не поужинал со всеми. На просторный стол в большой комнате подносила сама молодая хозяйка. Сегодня она не ходила на работу в банк. Сегодня в банке выходной. Андрей Агеев брал бутылку с дорогим выдержанным вином как драгоценный карат. Подливал понемножку. Бокалы были высокие, красивого стекла. Хорошо живут молодые Агеевы. Против Путина с плакатами бегать не будут. Это точно. Табашников подносил окрошку ко рту и смотрел на богато обставленную комнату. Будто попал сюда в первый раз. Мебель стильная, под старину. На-

верняка из воробьянинского ещё дворца. Будто замазанные картины непонятно на какую тему. На двух стенах. Люстры нет – модный космодром, лупящий с потолка. Вольная тахта. Больше похожая на раскинувшееся джакузи. Домашний высокий кинотеатр. Пустой, правда, сейчас. Два больших мягких кресла перед ним. Одно вслед другого. С прыгающими Ваней и Юлечкой. («Ну-ка, дети, за стол!») Будто едущими на слонах на водопой. Где-нибудь в Индии. Да-а.

Даже Геннадий и Маша (казалось Табашникову) притихли перед этим богатством. Точно родственники из деревни. Из села. Уминали на коленях ручки. «Хватит, хватит!» – всё время останавливала половник невестки Мария Никитична. И снова складывал ручки. Впрочем, Геннадия хватило ненадолго – цапнул дорогую бутылку и начал плескать по бокалам. И сам дерганул первым. Явно порушив всю церемонию за столом. Чего сын не одобрил. Нет, не одобрил. «Ты бы, отец, закусывал (чем дорогую бутылку хватать)».

Два друга выпили и водки, слегка закосели. Курили на лоджии. Табашников, примериваясь затянуться, поинтересовался:

– Сколько он получает?

– Да кто ж его знает. – Агеев цирганул слюной куда-то вниз. Кому-то внизу на голову. – Разве он скажет.

Покачивались. Закат падал. Как незрячий. Как слепец.

– И жена банкирша... – размышлял Табашников.

– Да нет. Простой менеджер. Сидит в окне, за стеклом.

Оформляет вклады.

Табашников снова примерился. Чтобы затянуться.

– Всё равно. Огребают, наверное...

– Ну, вы что пропали?

На лоджию вплыл Андрей Агеев. В брюках от дорогого костюма, в рубашке с запонками, с пузом, взятом дорогими подтяжками. И это – несмотря на духоту после жаркого дня.

– Ещё же кофе с коньяком...

Церемония, оказывается, не закончена.

– Да мы сейчас, – засуетились два друга. Искали, куда бы окурки. (Некуда!) Кинули вниз. Агеев опять плюнул. Кому-то на голову. Пепельниц в доме не было. Ни одной. Агеева заставляли крутить педали. На тренажёре. Если не помогало, гнали курить на улицу.

2

Агеев говорил: «Женя, мне до сих пор снятся мои стройки. Летние, осенние, весенние. Вся грязь их, несобранность, безобразность. А тут я прихожу к дочери на Котова, в её собственный дом, и вижу наяву тот же самый строительный кошмар и безобразие во дворе. И главного дурака-строителя. Моего любимого зятя Валерия. Который пилит, режет, варит металл и бросает. Ничего не доделав. Ну как на такое полудурство смотреть, Женя? Мне, бывшему строителю? Прорабу!»

Табашников отворачивался, боролся с лицом, боялся смехом обидеть строителя-прораба.

Впервые увидел дом Ирины Агеевой и её саму весной. В марте или апреле. С улицы дом выглядел замечательно. Одноэтажный, но высокий. С высокой острой прибалтийской крышей. Со сплит-системой на стене. С зеркальными стеклопакетами, с ребристыми поднятыми рольставнями. Входя за Агеевым за железные ворота, Табашников всё оглядывался на крышу и ящик сплит-системы. Точно хотел запомнить их на всю жизнь. Богато живут.

Однако двор удивил. Напоминал строительную площадку. Какой-то разгромленный слесарный цех. Везде разброс, неразбериха. Из железа, досок, труб. Какие-то грязные слесарные верстаки, заваленные железяками и инструментом.

Газовые баллоны. Валяются как попало. Прямо на земле. Ноги можно переломать.

– Почему у них так? Геннадий? Всё переделать хотят?

– А! Зять это всё. Не обращай внимания. (С Агеева следела всегдашняя весёлость и оптимизм. Был хмур. Тогда это показалось Табашникову странным.)

В доме суетилась приодевшаяся женщина лет сорока пяти. С длинной ниткой белого жемчуга, в модном платье с мешковатым подолом, схваченным внизу оборкой. В туфлях на высоком каблуке. Этакая пухленькая конфетка трюфель. Совершенно не похожая на отца, а скорей на мать. На Марию.

Познакомились. Табашников нежно пожал пухленькую ручку.

– Проходите, проходите, Евгений Семёнович! – тараторила женщина, приглашая в довольно большую комнату с двумя окнами в просвечивающих лёгких шторах. Отца словно бы и не видя.

На белоснежном столе всё уже было приготовлено. Бутылка шампанского – как наполеоновский солдат на часах у тучного букета роз. Ещё две бутылки с вином. Гранёный графин с водкой. Два ряда чистых тарелочек с приборами, с высокими бокалами и рюмками при них. Тут же ожидающее оливье в ладье, колбаска на тарелочках, сыр. Солёные огурчики даже под водку.

Для пушного эффекта Ирина Агеева включила люстру.

Эдакую испанскую королеву в рыжих буклях. Богато живут дети Геннадия, таращась на люстру, опять подумал Табашников. У одного космодром с потолка, у другой – королева.

Ослеплённый увиденным, Табашников не сразу заметил какого-то мужчину у стены за электрокамином. Тот стоял как дополнение к комнате, как её тень. Свесив голову и скрестив на груди руки.

– Валера, подойди, познакомься.

Мужчина отделил себя от стены, нехотя отдал длинную узкую руку (длань) Табашникову.

Однако у стола начал толкаться с Агеевым. С тестем. Не мог разойтись с ним. Или хотел захватить выгодное место. Оказался на отшибе. Возле Ирины захватил место отец. Точно отгородил дочь от зятя. Говорил что-то ей и уже разливал. Досталось, правда, и Валерию.

Встали. Подняли рюмки (Ирина бокал). «За знакомство!» Тесть и зять опять начали сталкиваться. Теперь локтями. Показывали приёмы самбо над столом. Но умудрились не чокнуться друг с другом. Сели. По полрюмки, но выпили.

Валерий начал есть оливье. Загребать ложкой. Знал, в какой руке держат вилку, а в какой котлету. Посмотрел исподлобья на Табашникова:

– У меня восемь рабочих специальностей. Восемь дипломов. – Распрямился, стал загибать пальцы: – Шестой по токарному, пятый по слесарному, сварка газовая и электро...

– Валера, Валера! – сразу прервала жена. – Принеси, по-

жалуйста, соль в солонке. И перец, перец не забудь! Он в среднем ящике!

Валерий пошёл, удивлённый. Принёс, поставил. Про него уже забыли. Жена и тесть оживлённо говорили, будто боялись остановиться. А парень с большой мордой (Табашников) застыл. И глаза его весело бегали. Будто хотели в сортир.

Валерий сел. Чуть погода попытался ещё. Этому. С бегающими глазами. Ну, у которого нос пипкой. С большими ноздрями:

– В этом году буду строить катамаран... – И его опять отослали на кухню. Ещё за какой-то хреновиной. Теперь в какой-то банке она. Где-то на четвёртой полке. Где она там, мать её!

Возвратился, поставил банку. С лечо, мать вашу.

Когда провозглашались тосты (вскакивал, старался этот парень с ноздрями) – опять начиналось самбо над столом. Между тестем и зятем. И оба падали на места неудовлетворёнными. Успев дёрнуть из расплескавшихся рюмок только остатки.

Больше Валерий не пытался заговаривать.

Агеев и Табашников два раза выходили по-быстрому покурить и возвращались. Однако время за хмельным сытным столом да с весёлыми разговорами (без Валерия), пролетело быстро.

Поднялись, когда за шторами было уже темно. Провожала

за воротами Ирина. Валерий остался стоять в доме. Со скрещенными руками.

Подвыпивший Табашников благодарил, жал пухленькие ручки женщины и даже поцеловал её в щёку. Агеев ждал. Был трезв как собака. Конечно, если из-за зятя-козла выплёскивалось из рюмки.

Пошли наконец. Мимо закрывшихся домов со свирепыми лаями. Прямо к апрельской полной луне над дорогой.

– Замечательная у тебя дочь, Гена. Умница. Филолог. Хорошая, наверное, учительница. И дети её любят. Было очень интересно с ней поговорить.

– Ага. Зато с мужем ей не о чем говорить.

– Зря ты, Гена. Парень он простой, безобидный...

– Да какой простой, какой безобидный! – сразу завёлся Агеев. – Дурак разве может быть простым и безобидным? Да ничего нет сложнее дурака! Женя! Подумай! Если б было так, как ты говоришь – был бы рай на земле.

Бредит? Или всерьёз? И вроде бы трезвый.

Уже подходили к дому Табашникова. Всего два квартала прошли от дома на Котова. Табашников знал, что если пригласит ночевать, то наслушается всего. Но всё же пригласил. В душе ещё надеясь, что друг откажется. Не тут-то было! Агеев уже тыкал кнопки телефона. (И ведь видит без очков старый котяра, в темноте!)

– Маша, это я. Да, да, всё нормально. Ложись, я останусь у Жени. Да, да, утром в детскую кухню зайду. Да. Не волнуйся.

Пока.

В доме было вино и даже водка, но пить больше не стали. Глотали только чай на кухне. Табашников покорно слушал. Психолог. С чуткими большими ноздрями. Или поп, если по-русски. Тоже с ноздрями.

– Знаешь, Женя, в чём опасность дурака? Он заразен. От него нет защиты. «Я сделаю вам беседку, – говорит он жене и теще. Хмуро. Глядя в сторону. – Всю из железа. Будете в ней отдыхать. Будет красиво». И те мгновенно заражаются от дурака. Обе уже радостные дуры: «А давай, Валера! Делай скорей! Будем в ней чай пить. Из своего самовара!» И вот уже из магазинов цемент, кирпич, гальку везут. Всё сваливают и сыпают перед домом. И Валерий начинает делать замесы. (Он ещё и бетонщик.) Замесы для фундамента. Под будущую красивую железную беседку. Он всегда обязательно вовлекает в свою дурость других. В нашем случае – жену, и тещу. (Меня он обходит, хмурится: бяка!) «Я поставлю вам новый забор. Из железа. Сверху баляски наварю. Будет красиво». Он ведёт себя как хозяин. Но будто не совсем уверенный. Он будто спрашивает у жены и тещи разрешения. Но если ему даже скажут «нет, Валерий, не надо» – он все равно добьётся своего. Начнёт-таки городить очередную железную свою дурость. Он очень упрям, стоеросов.

Был уже первый час ночи, Табашников принёс в комнату постельное бельё, мол, закругляйся, пора спать. Но Агеев, застилая себе диван, не сбавлял оборотов:

– ...И ладно бы начал и сделал. Женя! Нет. Всё бросает на половине, почти на корню. Потому что в голове у дурака новая дурость возникла. Вышибла прежнюю начисто. «Я вам сделаю бассейн. С фонтаном. Будут плавать рыбы. Будет красиво». И две дуры опять соглашаются. (Они не знают, что он заражен. Понимаешь?) И опять цемент, песок, галька возле ворот. И теперь перфоратор крушит плитку на середине двора. (Не им, кстати, положенную.) И опять пошли замесы. Теперь якобы для бассейна. Для брошенной ямы, которую ты уже видел. Я ему: почему ты хватаешься то за одно, то за другое и ничего не доделываешь? Почему? Что важнее, обыкновенный бак на огороде сварить-поставить или твои финтифлюшки на заборах? Твои фонтаны с рыбами? Почему у тебя постоянный разгром во дворе, ни пройти ни проехать? «Я люблю много дел делать. Чтобы сразу они были». Да как же ты на производстве-то работал? Кто тебе такие бардаки давал там устраивать? Как ты пенсию-то заработал? «Там была тюрьма, а здесь у меня свобода». Понимаешь, он забавляется теперь работой. Играет в неё. Он словно мстит кому-то таким бардаком во дворе. Он может целый день играть в стрелялки-пулялки, лежа в доме на диване, он может выйти во двор, потянуться, и начать перекидывать металл, арматуру, трубы. Просто так. Как утренний писатель на столе бумаги. Чтобы возникла в башке новая дурь. И она всегда возникает. И – опять морду в сторону, не глядя на жену и тещу: «Я вам сделаю мансарду. Второй этаж. Будем там чай

пить. Будет видно нас с улицы. Красиво». И ведь уломал двух дур, полез. Начал вскрывать крышу! Слава богу, я случился, сдёрнул дурака.

Табашников рассмеялся:

– Да пусть строит мансарду, Гена, пусть.

– Да ты что? Женя! Тогда весь долгострой дурака поднимется в небо! Понимаешь? Будет виден всей округе! Внизу, на земле, его хоть не видно людям – заборы защищают.

Табашников смеялся до слёз. В темноте вытирал простыней глаза. Сказал наконец:

– Не ходил бы ты туда, Гена. Раз это тебя так задевает. Эти долгострои. Ты ведь живёшь у сына.

Агеев тут же подошёл к тёмной спальне:

– Так дочь там моя. Родная дочь. Жена всё время торчит. Готовит этому смурняку. Всячески угождает. Ирина-то днем на работе, в школе.

Агеев снова лёг. Из сумбурного рассказа Табашников дальше узнал, что неисправимому токарю-слесарю с бритой головой сейчас 53 года. И ему не надо работать. Он северный пенсионер. Из Игарки. С хорошей пенсией. Ирину он подцепил на отдыхе. В Геленджике. Ну а теперь уже три года живёт в доме на Котова. Где усадьбу всю уделал железом.

Табашникову невольно думалось, что может связывать учительницу русского языка и литературы, умницу, окончившую в Томске пединститут с отличием, и слесаря-свар-

щика из Игарки. Слесаря хмурого, необщительного. Смурного. Явно со сдвигом. О чем они действительно говорят между собой, когда слесарь не курочит железо. Захотелось узнать, как они познакомились. В Геленджике. Гена, расскажи.

– На нашу голову, он спас её. Прыгнул в поток. Где-то в горах. Вытащил. Вот теперь и маемся.

Табашников опять рассмеялся: полный сериал!

– И Ирина мается?

– Нет. Он герой для неё. До сих пор. Попробуй, скажи что-нибудь против слесаря. Горой встанет. Раскраснеется, кричать начнёт. Он хороший! Не смей задевать его! Вот так. И уйдёшь как оплёванный. А он только ухмыляется. Кот Васька. Который живёт к тому же на Котова. Который слушает да ест.

Вот и отстань от них, уже злился Табашников. И от дочери, и от слесаря. Перекинулся на другой бок.

Потом, как цезуры, прерывающие потоки слов, изредка слышалось из комнаты: «Ты не спишь, Женя?» И Агеев снова говорил.

Несмотря на бубню из тёмной комнаты, Табашников уже засыпал. Во сне ли, наяву видел испанскую рыжую королеву в буклях. Стекланную, переливающуюся в рыжем свете. Богато живут, ещё раз прошептал и отключил губы.

3

Табашников опять тарашится в гофрированный соседский забор. С повялым вьюном и стиральными досками крыши над ним. Сегодня труба из нержавейки дымит. Сегодня, наверное, банно-прачечный у соседней.

Если привстать – опять обнаружишь двигающиеся женские головы. И молодые относительно, и не очень. Но и только. Гордую голову жиголо, его усики в ниточку уже не увидишь. Недавно был изгнан с позором. Кого он любил, кого обирал – теперь не узнаешь: женщины гнали его вдоль забора все. И молодые и старые. Он даже не успел крикнуть Табашникову «привет, старичелло». Жаль. С ним было веселей.

Табашников уставился в экран. В пустой белый файл. В котором за утро не нашлёпал ни строчки. В родном городе всё же лучше шло. Редко какие дни были пустыми. Вспомнилось сразу лито. Как собирались по средам и субботам. В детской библиотеке на набережной Иртыша. Сидели за стеклом первого этажа девятиэтажки, как в придавленном аквариуме. Поэтессы и прозаики. Альбина Жулина захлёбывалась стишатами как горлинка. Ей дружно аплодировали. Бородатый Чуваткин, который был круглый год в штормовке, свои рассказы не читал – рассказывал. Как бывалый геолог молодым туристам у костра. Держа ненужные листы в руке

на отлёте. Помимо мужественного постоянного *Николая*, добывающего то золото, то алмазы, в его рассказах всегда возникали дикие животные: медведи, россомахи и даже тигры. С которыми Николай всё время сталкивался на таёжной тропе. Притом нос к носу. Когда убежать было поздно. А у Николая только молоток в руке. Для оббивки пород. Чтобы добраться до минерала... Агеев скептически почёсывал мизинцем лысину. Но поэтессы Чуваткина наперебой хвалили.

Потом обязательно пили чай. Как после гулянки весело выкатывались к парапету набережной, к вечернему закату.

Рыбаки удилищами доставали небо, но вынимали из реки почему-то только мелкую рыбёшку. От заката к опущенным лицам кружковцев прибегали по воде большие вспыхивающие ежи. Хорошее было время.

Вздохнув, Табашников выключал компьютер. Как всегда после пустого утра, чтобы как-то взбодрить себя, шёл покопаться в огороде. Однако первый вертолёт уже летел. И будто хлопал себя по животу. И как-то очень уж сыто. Вроде весёлого, наевшегося телевизионного пузача. Когда тот перед обедом закинул в себя таблетку мезима.

– Семёныч, смотри! – сразу закричал сосед с огорода на отшибе: – Он объелся сегодня. На твою пенсию. Семёныч! Хлопает по пузу, благодарит!

Подмывало раскрыть соседу глаза. Сказать, что ему, Табашникову, вряд ли придётся кормить тут российские военные вертолёты. А заодно и самолёты. Что пенсии у него рос-

сийской нет, и вряд ли будет. Что через год, а может быть, и раньше, когда деньги у него кончатся, ему придётся собирать манатки и катить обратно, в Казахстан, где его, Табашникова, только и ждут. Где ему сразу восстановят пенсию. Чтобы он, не теряя ни дня, поскорей начал кормить вертолёты военные. Только теперь казахстанские.

Однако сосед, походило, твёрдо считал, что пенсия у Семёныча есть. Что кормит он, подлец, вертолёты и самолёты. Что переехал он сюда из Краснодара. Почти местный... То ли видел, что маршрутка останавливалась у дома и Семёныч отправлялся в ней три раза в Краснодар. То ли какая-то сорока эту дурость на хвосте принесла (хотя какие тут ещё местные сороки для Семёныча), – сам Семёныч его не разубеждал, всё стеснялся.

Агеева сосед Иван почему-то тоже поначалу воспринял вверх ногами. Посчитал большим начальником. Когда видел во дворе у Семёныча – прятался и выглядывал. Спрашивал у Семёныча, оглядываясь:

– Инспектор ушёл?

– Какой инспектор?

– Ну вот только что был. У тебя. Лез во все дыры.

– А-а, – прятал улыбку Табашников. – Ушёл, ушёл.

– Строгий, гад. – Подбородок у Ивана подрагивал. Походил на выпуклый динамо-фонарь. До самых губ зарос желтой махоркой. У Ивана был курятник, крольчатник, два павлина и голуби летали. Не считая большого тучного огорода. И всё

это, походило, не взято на карандаш. Инспектором. Который вверх ногами. Ну шастает который. У Семёныча.

Если с Иваном Табашников давно переговаривался по утрам, то женские головы за забором с вьюном познакомиться с новым соседом почему-то не стремились. Хотя Табашников вроде был мужчиной. Ещё не старым. На его призывное, громкое «здравствуйте» – на улице, у дома – только бурчали что-то под нос и проходили. Чтобы скрыться за забором. И ходить там опять, как в закрытом своём государстве.

От того же Ивана потом узнал, за забором живут четыре сестры. Три родных и одна двоюродная. Молодой жиголо ходил к самой младшей. Сорока восьми лет. К тощей Дарье. Доил полгода по мелочи. Пять, семь тысяч. Ну десять. И сумел-таки однажды сдёрнуть с её карточки триста тысяч. Все её деньги. Но это показалось ему мало. Непреодолимо захотелось прихватить и брюлики любимой. Через два дня, уверенный, что денег ещё не хватились, появился с шампанским и цветами. Чух-чух-чух! Твой дизель спешит на помощь! Был сразу разоблачён, бежал вдоль забора и отмахивался от баб, как от пчёл.

Выскочив за ворота, рванул было к автобусной остановке. Чтобы раствориться там, исчезнуть навек. Но менты тут же догнали, сбили с ног, заломили руки, защёлкнули наручники. Вздёрнули с земли и совсем некрасиво, как каракатицу какую, прогнали мимо изумлённых сестёр к машине.

Агеев, прослушав рассказ Табашникова, хохотал:

– Жадность фраера сгубила!

Подмигнул Ивану над забором:

– Привет, частный собственник! Почему налоги не платишь?

Кубанец виновато ослабился. Он уже узнал, кто такой Агеев. Объяснились однажды. Через забор. Но всё равно озноб каждый раз брал, когда видел его у Семёныча. Уж больно прямой и гордый. И лысина ещё у засранца. Натуральный инспектор!

Общительный инспектор пытался завести знакомство и с сёстрами. Подпрыгивал над забором: «Эй, милые сестрички! Где вы там?» Но ничего, кроме трёх тесно стоящих домов, не увидел.

– Попрыгались, – доложил Табашникову.

Когда пошли в город, кинулся, хотел постучать в ворота. Табашников еле успел оттащить:

– Да успокойся ты, в конце концов!

– Нет, согласись: ты полгода живёшь здесь, новый сосед – и не поинтересоваться, кто ты такой, с чем тебя едят. Странно это. Очень странно.

Выяснилось всё только в конце лета, в августе. Узнали от того же Ивана – сёстры судились с бухгалтершей. Прежней хозяйкой. Из-за забора с выюном. Хотели придвинуть забор и выюн ещё ближе к стене и окну бухгалтерши. В лучшие свои времена тощей Дарьей был куплен крутой джип размером с кибитку. Он плохо протискивался к гаражу во дворе. И туда,

и обратно. Цеплял и вёз всё за собой. Сёстры намерены были отбить у бухгалтерши ещё полтора метра. (До этого отбили метр.) Однако второй суд проиграли. Ненависть перекинули теперь и на Табашникова. Который ни сном ни духом.

Агеев опять хохотал во дворе:

– Будешь судиться из-за узости прохода у сестричек? Отбивать назад оттяпанный метр? А? Табашников?

– Буду, – твёрдо сказал Табашников. – Перед тем, как погонят в Казахстан.

– Молодец. Я – твой адвокат на суде. Эй, сестрички, ха-ха! Где вы там? Готовьтесь!

Тогда же, в конце августа, Табашников шёл как-то к Агеевым. С моря наносило йодом. Солнце металось, пересчитывало облака, будто без очереди лезущих мигрантов. Боялось не учесть и пропустить. В продолжение очереди на небе очередь вдали над морем – солнце уже спокойно гуртовало. В дымное стадо баранов.

Нырнул в зелёную Партизанскую с частными домами. Чтобы пройти, как говорил Агеев, мимо кубанских невест и бродячих животных. Бывшие мухолеры и светозары валялись почти возле каждого забора. Осторожно обходил их, а некоторых сдвигал ногой. Кошки сами брызгали в стороны. Рай в этом городке для бродячих собак и кошек. Индия. Никто их не тревожит, не отлавливает, не кастрирует. Светозары с мухобоями бродят везде. Возле продуктовых магазинов, на рынках, на оптовке. Валяются на солнечном крыльце самой городской администрации. Иногда пробегут по площади духовым оркестром за какой-нибудь сучкой. И снова в одиночку лежат. Или, как нищие, играют на балалайках.

Агеев всегда разглагольствовал, строил предположения, почему люди бросают своих питомцев. После всех умильных картинок с ними в интернете и телевизоре. Что это – бессердечность? Или забывчивость, смурь? Табашников просто собирал свои объедки, и когда шёл в магазин или на

оптовку, вываливал их из мешка на землю какому-нибудь тихому псу. Вот и сегодня выложил очередному полкану, охраняющему чужой забор, большую серую кость от бедра индейки. Тот с достоинством закусил её. Словно не знал, что с ней дальше делать. Куда отнести. Где запрятать. Чтобы продолжить сторожить чужой забор.

Впереди спиной к закрытым воротам стояла сдобная казачка лет пятидесяти. Которая хорошо бы подошла для огорода Табашникова. Возле неё мухобоями и не пахло. Но Табашников ошибся. Из подворотни, будто прямо из-под расставленных ног кубанки (будто прямо из чресл её!) начал зло вылаивать охрипший пёс. Домашний Светозар. Это уже не шутки.

– Во! – подмигнул кубанке Табашников, проходя. – С ангиной, хрипит, а лает. Молодец! Охраняет вас.

Кубанка зло смутилась. Как будто ей задрали подол. Приказала за спину: «Заткнись!» Светозар за забором не понял, сразу прибавил. А потом вообще зашёлся. До сипа в сахарной глотке.

Табашников посмеивался. Сегодня Светозар домашний из-под подола кубанки не достал.

Во дворе шестиэтажного длинного дома быстро шёл к последнему подъезду. К подъезду Агеевых. И вдруг замедлил шаги. Остановился.

На двух баках с мусором, на двух одинаковых листовках на них – крупными буквами было написано:

Внимание! Все на митинг против пенсионной реформы! Скажем зарвавшимся властям своё твёрдое нет!!!

Внимание! 29 августа! Все на площадь!!!

Табашникова пронзило: это же метафора сегодняшней жизни России! Баки, набитые мусором – и призыв на них против власти. Глубокая метафора!

Быстро поднялся на крыльцо, нащёлкал код, нырнул в подъезд. Чтобы поскорей взмыть на четвёртый. Но лифт не работал. Как молодой шестидесяти лет Табак начал скакать по лестнице наверх.

На другой день два друга были на площади среди сотни-другой базлунов с плакатами. Прямо напротив здания администрации города. Где высокое крыльцо плотно защищала полиция с дубинками.

Табашников точно пятился, обмирал, выдавленный в первый ряд. Агеев же орал до посинения:

– Долой пенсионную реформу! Госдуму долой! Путин, уходи! Навального в президенты!

Вдохновлённые им, десятка два навалынят тут же полезли штурмовать. Их начали охаживать дубинками.

– Вперёд, молодая смена! – не унимался Агеев. Взмахивал длинной рукой как вождь. Кидал навалынят: – Вперёд, молодые соколы!

– Ты чего орёшь, старый дурак? – задёргал его Табашников. – У тебя даже вида на жительство нет. А ты орёшь. Завтра же попрут в Казахстан. И меня вместе с тобой.

Агеев перестал кричать. Подумал.

– Верно. Скорей валим отсюда!

Вылезли из толпы. Быстро пошли с площади. Мимо трёх дисциплинированных мухобоев, внимательно наблюдающих событие.

В автобусе подпрыгивали на буграх и колдобинах, но сидели. Табашников тихо пилил неразумного: «Мы же пришли посмотреть. Просто посмотреть. А ты что устроил?» Неразумный молчал. Разглядывал женскую спину в полотняной рубашке с вышивкой. На ухабах подавался к ней, точно хотел разглядеть внимательней. Потом будто стал переводить иероглифы:

– Любой человек глуп в принципе. Как говорят теперь, по умолчанию. Так он задуман природой. Или как кто-то считает, Создателем. Он видит только то, что хочет видеть. Слышит то, что ему приятно слышать. Он раб своих предубеждений, привычек, своего невежества. Поэтому даже умный человек (умный в чём-то одном), в другом, рядом – баран бараном. И вины его в том нет. Он так задуман.

Сбрэндил. Выжил из ума. Точно! И я вместе с ним.

У Табашникова ели на кухне, приходили в себя.

В маленьком телевизоре над холодильником шли «Новости Кубани». Окраина какого-то городка. Может быть, вот этого. У ворот – типичный летний кубанский голопуз со своим домом и крепким двором за спиной. Рядом стоит его жена в домашнем платье мешком. Она хмуро стесняется теле-

визионщиков. Хозяин – нисколько. Полный самодовольства, говорит в подставленный микрофон.

Из соседнего двора такой же полуголый на заборе повис. Ждёт, когда дойдёт до него очередь. Богатая голопузая каста Кубани. Кубанские аристократы-пузаны. Все предпенсы или уже законно на пенсии. Однако активно оружие в это лето на площадях. Против Путина. Против повышения пенсионного возраста. Та не выйдет у вас ничего, козлы! Та не дадим! Та не позволим! Долой!

Агеев смотрел. Полный презрения. Обличал. Исходил желчью.

– А тебе завидно? – не выдержал Табашников. – Что они так крепко живут? И всегда так крепко жили?

– Ещё чего!

– Тогда что же ты орал с ними на площади? Сегодня? Час назад?

– Да так просто. Из справедливости. Да там и не они были.

– Да как не они! Пиджаки, рубашки надели – и всё. Те же пузаны. Да ещё десятка два молодых дебилов Навального. Которых ты вдохновлял. А?

Агеев не знал, что сказать. Походило – бес попутал.

Табашников свернул к пустой бетонной площади, к стёклам низкого супермаркета.

Из разъехавшихся дверей вышли двое. Муж и жена. Пожилые. Топтались с сумками. Муж явно злился:

– Да покупай всё в этой «Пятёрочке»! Склерозная ты моя! Покупай! Ходи там целый день, ищи свою банку горошка!

Где-то видел этих мужа и жену. Вспомнил – на рынке! С полгода назад. Склерозная забыла тогда дома кошелёк. Потом они выкладывали мясо назад надутой торговке. И шли от стыда нарастопырку. Как покалеченные.

В рентгенозном свете бродил по тоннелям супермаркета, набитым товарами и продуктами. Брал банки, пакеты. Разглядывал. Словно ничего не поняв, клал назад. Чуть не опрокинул высокую выставку с кошачьими кормами. Успел подхватить. Снова бродил. Пришёл в Пятёрку с намереньем набрать продуктов дня на три, однако вышел на бетонную площадь пустым. С одним батоном под мышкой. Как с забытой ненужной палкой...

Отец заболел альцгеймером сразу после семидесяти. Как будто по уроку. Однажды, провожая сына и его гражданскую жену после скромного застолья (выпили всего по паре рюмок), тихо спросил у сына в прихожей: «Кто это с тобой приходил, сынок?» Сын вытаращил глаза. Однако и шуточки у

тебя, отец. Отец виновато улыбался. Как будто и вправду пошутил.

Болезнь развивалась быстро. Уже через полгода его стали приводить к сыну домой. Неравнодушные люди. Он почему-то помнил только его адрес. Гражданская жена Елизавета Гербер сердилась в спальне, говорила, что старик просто прикидывается. Набивается в нахлебники. Пасынок Вовка, в общем, неплохой мальчишка, оставаясь с дедом наедине, почему-то стал устраивать ему ехидные экзамены на сообразительность и память. И хихикал от фантастических ответов. И всё докладывал матери. В спальне по ночам начали полыхать скандалы. Отец лежал в большой комнате, улыбался в темноте. Это его не касалось. Он пришёл к сыну. А кто такие эта женщина и её ехидный мальчишка – сын завтра расскажет.

Табашников увёл отца. В его квартиру. Стал жить с ним. Гражданскую жену и пасынка сдвинул в сторону.

Вскоре немка с сыном отправилась в Германию, и Табашников сразу перебрался обратно к себе. Почему-то думал, что раз отец помнит его квартиру – с памятью у него в ней будет лучше.

Однако наступили непростые времена. Отец забывал всё. Выключить газ. Воду в ванной. (Один раз затопил соседей внизу.) Свет везде горел с утра до вечера. По улицам один уже не ходил. Только с сыном. Если спускался во двор посидеть на воздухе, на людях, возвращаясь в квартиру – ключи

снаружи в замке забывал постоянно. Ключи приглашающе побалтывались, а потом повисали, смирившись. (Однажды пацаны из озорства закрыли его, а ключи выбросили. И наблюдали со двора, как он кричал с балкона. Звал сына.)

Табашников водил его по врачам. Накупал лекарств. И импортных, и отечественных. Но ничего не помогало. Неизлечим альцгеймер, виновато развели руками в психбольнице, где Семён Иванович пробыл месяц.

С болезнью сразу как-то резко постарел. Большая голова его стала походить на заскорузлую, всю в белых лишаях и пятнах бомбу. Найденную в глухом лесу и выкопанную неугомонными искателями.

В годовщину смерти матери (девять лет уже прошло), Табашников повёз отца на кладбище. Надеялся, что тот вспомнит. Альцгеймер с интересом смотрел на весёлое завитое лицо не старой ещё женщины в медальоне пирамидки со звездой. И вдруг начал закидывать голову и рыдать. Поворачивал к сыну большое искажающееся лицо. А тот сам плакал, задира л голову к воронам и галкам, мечущимся выше кладбищенских деревьев.

Отец умер через полгода. Умер просто. Бормотал что-то невнятное перед сном, пока сын укладывал на диван и подтыкал одеяло. Потом почти сразу уснул. А утром не проснулся...

Табашников шёл осенней жёлтой улицей, грустил. По-прежнему с забытым батоном под мышкой.

Решил помянуть отца.

В утреннем полупустом кафе сел у стены напротив трёх окон на улицу. Ему принесли графинчик со ста пятьюдесятью и салат.

Поднёс первую рюмку ко рту – и замер с нею. Напротив, за столиком у среднего окна, сидела Кугель. Точно! Она! Без кителя своего, без очков. В штатском. В платье с подсолнухом на плече. Чернявый мужчина кавказского типа оказывал ей кавказское гостеприимство. Пододвигал, наливал, тянулся с рюмкой, смеялся. Кугель отпивала, закусывала и умудрялась говорить без остановки. По своему обыкновению.

В какой-то момент покосилась. Из дымовой завесы беседы. И чёрный табун её замер.

Узнала робко улыбающегося речного толкача. Который даже привстал. С намереньем поздороваться.

Нахмурилась.

Создалось интересное положение – изгой оказался на празднике жизни. Довоенного негра вдруг обнаружили в автобусе для белых. Впрочем, Кугель быстро забыла о мордастом. И снова кавказцу поливала.

Табашников по-быстрому начал глотать рюмки. Однако хотелось увидеть главное: когда будет передаваться взятка. И увидел – кавказец, прямо-таки заходясь от смеха и гостеприимства, привстал и подал Кугель глянцевого журнальчика. Та, тоже не переставая говорить, ловко сунула его в подвешенную на стуле сумку. Всё! Теперь жди криков «всем оста-

ваться на местах!», «гражданка Кугель, вы арестованы!».

Табашников вымелся из кафе. На улице вспомнил, что оставил в гардеробной батон. А, чёрт с ним! Помчался к Агееву.

– Ну и что? – на удивление равнодушно спросил тот.

– Да как что? как что? Среди бела дня берёт взятку!

– А что ей – ночью брать? В подворотне?

Но Табашников всё не мог успокоиться. Как ошалевший мальчишка:

– В центре города! Среди бела дня! На глазах у всех!

– У кого «у всех»?

Агеев смотрел на друга. Сверху вниз. Вот уж правда, в чём-то человек может быть дурак дураком.

Ещё до РВП Евгения Семёновича, летом, когда тот чуть не прозевал окончание пресловутых «девятидесяти дней» (хватился бедолага за три дня до их окончания, рванул в Краснодар, в аэропорт, на самолёт, летал в Казахстан, получил в Астане отметку в паспорт и сразу вернулся обратно) – всем Агеевым (одновременно!) пробило – надо женить Табашникова! Немедленно. Законно. Со штампом в паспорте. На местной. Казачка не казачка – барабир, как говорят татары. Разом убить всех зайцев. Возможных и не возможных. И самого главного зайца – Кугель.

Вскоре на дне рождения Агеева-младшего Табашникова посадили рядом с какой-то женщиной в чёрном платье. Которую он сначала никак не воспринял. Просто привстал, пожал руку и снова сел. Потому что, как всегда, был поражён накрытым столом. И не столько разнообразием блюд на нём, сколько оформлением его: сверкающим хрусталём бокалов и рюмок, царским графином с водкой, рядом с которым даже коллекционная бутылка Андрея выглядела бедно. Серебряными, чётко разложенными столовыми приборами. Салфетками на чистых тарелках. Смахивающими на островерхих белых монахинь. И самое главное – бьющим без пощады космодромом с потолка. От света которого всё время вспыхивали новые дорогие запонки чопорного Андрея Ген-

надьевича Агеева. Хозяина дома и стола. Однако живут, как всегда подумал Табашников, вытирая со лба пот (платком, платком, не рукой!), пока Андрей Геннадьевич нацеживал из красивой бутылки трём женщинам, виртуозно подкручивал бутылку, а Агеев-старший, отец чопорного, вздрагивающей рукой плескал из царского графина в рюмки водку другу и себе.

Поднялся со своей, откашлялся. И повернулся вдруг к жене:

– Дорогая Маша! (Все удивились, не поняли, застыли с рюмками, а сын усмехнулся – старик совсем попутал рамсы.) – Дорогая Маша! – повторил Агеев. – Сердечно поздравляю тебя с рождённым тобою сыном! Рождённым сорок один год назад. Рождённым в муках. Спасибо тебе, родная. – Склонился и поцеловал растерявшуюся жену в темя. Как ребёнка.

– Ну а теперь и твоя очередь, Андрей. Поздравляю тебя, дорогой.

Подошёл, обнял, постукал по спине, плеча водкой на дорожную рубашку сына. Потом смахнул слезу и сел. И дёрнул.

Женщины и Табашников с облегчением захлопали. И тоже выпили. Табашников выпил разом, женщины пригубили.

Только тут Евгений Семёнович вспомнил про соседку. Даму в чёрном платье. И с брошью, как оказалось. Как со стеклянным скорпионом:

– Не желаете? – застыл с ложкой над оливье.

Та милостиво разрешила. Взбодрила причёску полной ру-

кой. Кольцо на безымянном пальце смахивало на жука с панцирем. Не колорадского, конечно. Но майского, российского – точно.

– Чем занимаетесь? – любезно поинтересовался жених, закусывая.

Оказалось, дама имеет салон. Женской красоты. Под названием «Элеонора». Хотя сама назвалась Ксенией. Ксенией Петровной. Вообще за вечер она несколько раз как-то перевоплощалась. Выпив водки (Агеев не жалел из царского), свекольно раскраснелась. Как простая баба. Стала вроде бы мощной и сильной. Чтобы оправдать пожелания Агеева (свата), начала хвалиться, что она не просто казачка, а донская. Не в пример местной мелкоте. А потом и вовсе начала поталкивать жениха плечом и подмигивать всем. Мол, вот он, жених, хих-хих-хих. Сидит чурбан чурбаном, хих-хих-хих. И снова сидела чопорно, соответствуя месту, поправляла причёску. Будто её только что хорошо прижали. Где-нибудь в тёмном углу. И пальцы её опять превратились в пальчики. С защитным панцирным кольцом.

На лоджии, когда закурили, Агеев сразу спросил:

– Ну как, как она тебе?

– Кто?

– Ну Ксения Петровна. Кто же ещё?

Табашников хорошо потянул. Стал выпускать:

– Ударит кулаком – с копыт слетишь. И не встанешь.

Агеев нервно рассмеялся. Не понравилась. Хотя лучше бы

на себя посмотрел. Красавец. С дымом. Из курносой сопатки.

Со второй невестой Табашников сидел рядышком на пляже. Можно даже сказать, плечом к плечу. Вытянув голые ножки. (Агеевы были лишь фоном картинки – осторожно (на цыпочках) передвигались за спиной голубков, только бы не спугнуть.)

У Маргариты Ивановны не было груди под купальником, зато имелись две шишки на разлапистых ногах. Возле больших пальцев. Отчего тощие ноги имели вид рыхлителей для огорода. Маргарита Ивановна ничуть не смущалась этого, оживлённо рассказывала о своей работе библиотекаря. Казалось, то, что нужно Табашникову. И рыхлители для огорода всегда под рукой, и библиотека. Но жених, было видно всем – воротил морду. Безнадёжен, хотели махнуть рукой Агеевы. Однако он их удивил. После пляжа отправился провожать. Благо что Маргарита жила неподалёку от моря. Оставил застывшее семейство с раскрытыми улыбающимися ртами. И даже вернулся и пощекотал на прощание Юлечку. Которая успела ему сказать «па-па». Дескать, не шали там.

Женщина в пляжной шляпе шла, не торопясь переставляла худые ноги. Так ходят на очень медленной прогулке. Сарафан, стянутый на плоской груди, перемещался шатром, балаганом, заполненным солнцем.

– Я слышала, вы пишете, Евгений Семёнович?

Если у Табашникова были ноздри, у женщины – две ро-

зовые ямочки во вздёрнутом носике.

– Да так, – пожал плечами писатель.

Но женщина не отставала:

– И публикации есть?

– На бумаге только одна. В региональном журнале. Рассказ. (Рассказ был о подлинном случае. О трагедии на реке. Чему был свидетелем с пасынком Вовкой.)

– Пустое это всё. Я и забыл, – кокетничал хмурый автор.

– Нет, нет, расскажите, пожалуйста.

Табашникову пришлось, комкая подробности, рассказывать, опять хмуриться.

Остановились во дворе трёхэтажного кирпичного дома с балконами.

– Вон мой балкон и окно. На третьем этаже. Может быть, зайдёте? Евгений Семёнович? Чаю попьём?

Табашников смотрел вверх. Куда показали. Словно прикидывал, как будет уходить. Крышей или сразу с балкона.

– Нет, Маргарита Ивановна. В другой раз.

Тогда женщина стала приглашать к себе в библиотеку. На улицу Таманскую. Евгений Семёнович! Всего в трёх кварталах от вашего дома. А? Недалеко ведь.

Уже знает мой точный адрес. Наверное, приходила тайком и осматривала дом. С ничего не подозревающим женихом внутри. Вот Агеев трепач!

Неожиданно спросил, что нужно, чтобы записаться в библиотеку. Здесь, в городе.

– Ничего, ничего вам не нужно. Приходите, я так вам выдам любую книгу, Евгений Семёнович!

– Я не об этом. К примеру, у человека казахский паспорт и нет постоянной прописки, а только РВП. Запишут его? Выдадут книгу?

– Ну не знаю...

Ага! И тут дискриминация! И тут рогатки! Табашников уже не слышал женщины. Табашников переживал за всех мигрантов. Особенно за книголюбцев из Средней Азии и Кавказа.

Через неделю, будто бы так и не выйдя из обиды, пришёл всё же в библиотеку на Таманскую. Сдался. Но только книги! И ничего больше!

Маргарита Ивановна Күзичкина быстро готовила себе завтрак. Металась от плиты к столу и обратно. Боялась опоздать на машину в Краснодар. В областной коллектор. Думала о Табашникове. Страшной, как говорила мама, но добрый. Яичница начала хлопаться на сковородке, брызгаться маслом. А, чёрт тебя! Сдёрнула. Выключила газ. Села, стала пилить вилкой белок. Откусывала хлеба. Лево́й рукой наливала из чайника. И ведь не взял даже под руку. На море, когда поднырнула, чтобы поиграть, шарахнулся как от акулы. Станный. А дом у него действительно неплохой. Агеев не обманул. Пришёл в библиотеку вроде просто так. Даже и не из-за друга. Очаровал сразу всех трёх баб. Общительный, остроумный. Белый венец вокруг лысины. Как у избранного. Однако всё разузнал. Хотите, я познакомлю вас с писателем, Маргарита Ивановна? С настоящим? Гордеева и Колодкина не соперницы – замужем. Хочу, Геннадий Андреевич, конечно хочу! Обрадовалась как девчонка.

Перед тем как надеть носки, мазала мазью и быстро масировала шишки на ногах. Наказание божье. Так и не вылечили. Нигде. Куда только не ездила! Сколько денег не выкинула! Тоже, наверное, забрезговал. На пляже. Отводил глаза. А как скроешь? Да и зачем. Лучше сразу. Во всей красе. Любу́йся. Где такие ещё увидишь. Надела, наконец, носки.

Надёрнула джинсы. Застёгиваясь, глянула на себя в зеркале. Скоба. Кривоногая. Джинсовая. Ещё и замуж хочет. С ложки затолкала ноги в мягкие, но всё равно тесные туфли. Типа тапочек. Сначала шишки не болят, нормально. К концу дня – начинают ныть. На работе вытягиваешь ноги под стол. Сняв обувь. Чтобы читатели не видели. И сидишь, мухлюешь ногами, как жулик. И лишний раз боишься встать. Чтобы не поймали. Ну, всё. Плащ на всякий случай. Сумку на руку. На выход...

Шофёр нанятого микроавтобуса имел ветхое, как гоголевская тряпичка, имя – Евсей. Евсей Петров сын. Однако даже встав сегодня в четыре, был бодр, весел, разговорчив:

– Опять мы с вами едем, Маргарита Ивановна. Я рад! – смеялся он, выруливая на повороте.

Он рад, видите ли. Содрал в прошлый раз пять тысяч и рад. Маргарита Ивановна сердилась, подпрыгивала на ухабах.

– Евсей Петрович, мне выдали на сегодня только три тысячи. Я вам сразу говорю. Если что – давайте назад и разойдёмся.

– Ничего, Маргарита Ивановна! – смеялся кудлатый пройдоха в кепке, опять круто выруливая. – Дорога длинная – договоримся!

Как по заказу промчал по Широкой мимо Табашникова у ворот. Кузичкина чуть не выпала из машины: привет, милые ноздри! Смотри-ка, рано встаёт. Шести ещё нет, а уже

метлой машет.

– Знакомый, Маргарита Ивановна?

– Знакомый! – рассмеялась Маргарита Ивановна...

В большом городе катались с постоянно тормозящими стадами машин. Пустые недостроенные дома напоминали брошенные пустые соты. Солнце металось в них как угорелое. В коллекторе ругалась, не хотела брать явную макулатуру. Всучили всё-таки. Пришлось расписаться. Сама таскала связки и упаковки книг на улицу к машине. Евсей складывал прямо на пол в проходе. Берёг, хитрюга, сидения. На выезде из города остановились у автозаправки. Сидела, ждала. К окну придвинулась кудлатая весёлая мордочка: «Маргарита Ивановна, надо? Я уже». Кивнул на плоский проходной магазин неподалёку. Полезла наружу. Брезгуя садиться, в туалете стояла в позе козы, упершей передние копытца в тощие ляжки. Тщательно вымыла руки. В буфете взяла два больших чебурека и бутылку тархуна. Отъехали от заправки и остановились у обочины. «Балуете вы меня, Маргарита Ивановна», – молитвенно принял халявный чебурек Евсей. Жадно ел. Скуповат всё же Евсей Петрович. За дорогу ни рубля не истратил на себя. Ни игрушку внукам, ни платок своей Маруське. Как и не был в большом городе. «Ну, домой, Маргарита Ивановна?» Пошёл выруливать на трассу.

Въехали в городок, когда солнце вдали качалось как пьяное. Никак не могло улечься на ночь. Окна в доме на Широкой отблескивали. Хозяин в тощих трико и галошах вышел,

чтобы опустить ставни. Вываливаться из машины и махать рукой не хотелось. Кудлатый Евсей тоже молчал.

Глава третья

1

Валерий сидел на крыльце. Под летящим осенним небом думал. Что бы такое сегодня замастрячить, чтобы жена и тёща восхитились? Сказали молодец Валерий!

Увидел в воротах тестя в шляпке, засовывающего ключи в карман плаща. Пришёл, гад. И следом друган большемордый его лезет. Тоже в шляпке.

С проворностью кота Валерий тут же умёлся в дом. У себя в закутке упал плашмя на диван. Дверь не закрыл. Приоткрытой оставил. Слушал, как два голоса разгуливали в кухне, а потом в комнате.

Слышал про себя нехорошее:

– ...Наверное, на рынок сегодня упёрся. Бахвалиться. Почитать продавцов железа и инструментов. Как надо работать с металлом. Сколько у него всяких слесарных корочек. Дипломов. Заодно, как правильно делать замесы. Под беседки и фонтаны...

Валерий не выдержал. Начал хлопать ладошкой по тумбочке. Как в борьбе. Будто ему загнули салазки. Дескать, дома я, козлы! Не сплю! Всё слышу!

В дверь сразу просунулась лысая башка:

– Ты дома? Извини. Мы ненадолго. Сейчас уйдём. Отдыхай.

И дверь прикрылась.

Козлы.

Агеев искал документ для ФМС. Справку. Ирина сказала, что она в её столе. Ага! Вот она, справка, что мы с Машей не рыжие.

– Мы ушли!.. – крикнул Валерию.

В ответ что-то пробубнило. Будто в Диогеновой бочке. Поставленной за дверью.

Опять шли к воротам по разбросу и бардаку под ногами. Агеев тихо матерился.

– Это всего лишь художественный беспорядок, Гена, – смеялся Табашников. – Беспорядок художника. А ты возмущаешься.

В ФМС сидели у 9-го. Рядышком. Как всегда – ни одного просителя у кабинета Кугель.

Кугель упала как с неба. Опять с папками. Того и гляди посыплются на пол. Суёт в замок ключ:

– У меня неприёмный день.

Сказала в дверь, не оборачиваясь. Зашла, захлопнулась.

Агеев – не Табашников: спокойно постучал. Ничего не дождался. Тогда открыл, спросил «можно?» и вошёл без приглашений.

Табашников вслушивался в бубню за дверью. С преобладающей женской. «Отчитывает», уважительно говорил себе.

Как лапотный крестьянин в присутственном месте.

– Вот гадина! – ругался Агеев, когда шли к остановке. – Специально не положила в нашу папку копию документа. Специально! Понимаешь? Ещё раз хотела сгонять нас с Машей в Краснодар. Не вышло! Всё, дорогая, поезд с нами ушёл. Ту-ту. Не догонишь, зараза. – И без всякого перехода: – Ну, а теперь к Маргарите Ивановне? Ко сколько ты говорил? Вот и замечательно, есть полчаса в запасе.

По дороге у рынка купили цветы. Сам Табашников ходил вдоль высокого безмолвного ряда букетов на грудях у женщин. Внюхивался, выбирал. Возвращался к началу ряда. Нетерпеливому Агееву хотелось поддать его ногой. Как пацанскую лянгю.

Во дворе жених показал на окно и балкон на третьем этаже. Дескать, прикинь, Гена, как будем уходить. Агеев посмотрел, прикинул: пожалуй, лучше сразу вниз, с балкона.

Звонить не надо было – в распахнутых дверях их встретила хозяйка в кокетливом фартучке. Табашников сразу вручил цветы. Конечно, ужалась в смущении. Что вы, Евгений Семёнович! Такой дорогой букет. Так потратились. Это ничего, бывает, бормотал жених, оглядывая дикими глазами прихожую.

Разделись, сняли обувь. По коврикам прошли в большую, тесно заставленную бабьим уютom комнату. Заставленную до потолка, под самую завязку. Ну что же, ничего, ничего, вполне.

Сели за стол в длинной белой скатерти. Уже с вином на ней, водкой и закусками. Хозяйка всё подносила и подносила. Наконец тоже села, сняв фартук. Была она сегодня со вздыбленными волосами и в чёрной кофте с блестками.

Агеев, записной тамада, поднялся с рюмкой:

– Ну что ж, Маргарита Ивановна, покоя и счастья вашему тёплому дому. Чтобы таким он был всегда – полной чашей, и телесной (посмотрел на библиотеку за стеклом), и интеллектуальной (совсем зарпортовался, подумал Табашников). Чтобы всегда в нём был женский уют и благоденствие (какая графомания!). Ваше здоровье, дорогая Маргарита Ивановна!

Чокнулись рюмками и бокалом, выпили, стали закусывать. Начался оживлённый, ещё трезвый разговор. В котором Агеев всё выпытывал у Маргариты Ивановны. Всё докапывался. Та посмеивалась, говорила про себя, видимо, откровенно. Библиотечный окончила в Новосибирске. По распределению попала сюда. Работает в библиотеке на Таманской с её основания. Больше двадцати пяти лет. Купила вот эту квартиру. Ну что ещё? Была замужем. Муж пил, трепался. К тому же считал себя пупом земли. Выгнала. (Ого! – переглянулись жених и сват.) Были и ещё кавалеры, но всё как-то мимо. А как у вас, Евгений Семёнович? Были женаты? Был, коротко ответил жених. Гражданским браком. Продолжал объедать куриную лапу. Только чтобы не говорить. Разошлись, всё же добавил. Да, из такого крючьями надо вытяги-

вать слова, несколько разочарованно подумала невеста. Однако вновь оживилась, заговорила. Теперь о книгах за стеклом. Уж тут он точно клюнет. Торжественно звучали имена: Борхес! Алехо Карпентьер! Набоков! И даже современные Шапко и Курчаткин! (Кто такие? Почему не знаем? – переглядывались писатели. Но всё равно – начи-итанная.)

Агеев смотрел на вздыбленные волосы тараторящей женщины, на её блестящий стеклярус на чёрной кофте и забывал говорить сам. Не получилось с ней летом. Так, может быть, теперь сложится. А то жених сидит бука-букой. За час трёх слов не сказал. Может, когда сойдутся – потеплеет, заговорит.

За чаем женщина вдруг стала показывать на плазменный телевизор в углу, про который и забыли:

– Смотрите, смотрите! Евгений Семёнович! Геннадий Андреевич!

И сама сразу подперлась кулачками.

Агеев тоже отвесил улыбчивый рот:

– Ух ты! Во дают! Волосья друг у дружки повыдерут!

Табашников напрягся, покраснел. Ему не нравились такие передачи. Он их ненавидел. С гадливостью всегда вырубал. Точно вляпавшись в нечистоты. Поражался, как вообще такое может быть – на самом дне русской жизни находят необразованных, примитивных, некрасивых людей – мужчин, женщин – привозят в Москву и выставляют в телевидении на всеобщее посмешище и позор. И те, не смуща-

ясь ни света юпитеров, ни наезжающих камер – с готовностью начинают кричать, материться и драться друг с другом. И поразительно, что громче всех всегда базлают женщины, царапаются с соперницами, площадно ругаются. Всё никак не могут поделить кобелей. А те всегда сидят очень прямо. Гордо. Но тоже вступают в дело. В нужном месте. Махаются кулаками, пинают друг друга. Примитивизм, бескультурие, грязь! Самое дно! И, как говорит всегда одна выдра на такой же передаче: «Вся страна замерла в ожидании! Отвечайте: муж он вам? Сожитель? Или хахаль?» Господи, куда я попал!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.